

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПРЕДИКАТИВАЦИИ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

© 2013 г. В. В. Шигуров

В статье анализируются экстралингвистические и лингвистические причины, обуславливающие транспозицию русских причастий в межчастеречный семантико-синтаксический разряд предикативов; предлагается классификация типовых значений предикативов, возникших в результате функциональной и функционально-семантической предикативации причастий; рассматривается механизм взаимодействия разных частей речи в структуре причастных форм глаголов, подверженных нескольким типам категориальной транспозиции.

The article analyzes the linguistic and extra-linguistic causes of transposing of the Russian participles into ambiguous word-forms; namely, into semantic-syntactical predicatives. The article sets forth a classification scheme for ordering the most frequently acknowledged types of predicatives, which are formed in the process of functional and functional-semantic predication involving participles. We also consider mechanisms of interaction between different parts of speech within the structure of verb forms, which might undergo categorial transposition.

Ключевые слова: часть речи; глагол; причастие; прилагательное; предикатив; предикативация; причина.

Key words: parts of speech, verb, participle, adjective, predicative, predications, causes.

Предикативация представляет собой особый тип транспозиции языковых единиц из существительных, прилагательных, наречий, местоимений и глаголов в особый межчастеречный семантико-синтаксический разряд предикативов, специализированный в русском языке на выражении семантики состояния и / или оценки действия в позиции главного члена безличного предложения (см. о нем, напр. в [1, с. 22–23 и др.]). Напр.: *На улице тепло; Сестре грустно; Весело кататься с горки; Пора ехать; Ему еще ничего по сравнению с другими; В комнате убрано; Больному было запрещено вставать.*

Безлично-предикативная транспозиция слов и словоформ разной категориальной принадлежности, в том числе причастий, осуществляется при наличии определенных причин, служащих своеобразным стимулом для данного типа межчастеречного взаимодействия языковых единиц. Эти причины имеют как экстралингвистический, так и сугубо лингвистический характер. Механизм воздействия такого рода причин на процесс категориального перерождения единиц и разви-

тие синкретичных (периферийных и гибридных) образований хорошо показан в исследовании В.В. Бабайцевой (см. [2, с. 179–186]; ср. также [3, с. 248–252]).

Согласно В.В. Бабайцевой, экстралингвистическая причина появления явлений переходности и синкретизма в системе частей речи в самом общем плане заключается в стремлении человека наиболее точно, лаконично и ярко выразить мысль, отражающую многообразие переплетающихся и взаимодействующих друг с другом элементов окружающего мира. Это связано с общей тенденцией к совершенствованию и развитию системы языка [2, с. 179]. “Слова, – пишет акад. В.В. Виноградов, – находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью” [4, с. 25]. В потребности человека передать многообразие оттенков мыслей в имеющихся языковых средствах видит главную причину явлений переходности и А.Я. Баудер (см. [5, с. 66]).

Как отмечал Ш. Балли, “замкнутые в своих категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Однако благодаря межкуатегориальным заменам мысль обогащается, а выражение обогащается и получает различные оттенки” [6, с. 143].

¹ Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта “Межчастеречное взаимодействие при безлично-предикативной транспозиции языковых единиц в количественном измерении”, выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-04-00175а).

Мысль о взаимодействии разных частей речи и возможности совмещения в структуре одной и той же языковой единицы дифференциальных признаков нескольких классов слов высказывается и в академической “Русской грамматике”. Здесь отмечено, в частности, что “многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов – союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов. Соответственно внутри класса частиц выделяются частицы, совмещающие в себе признаки частиц с признаками названных слов: частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-междометия, частицы-вводные слова” [7, с. 730].

Межкатегориальное взаимодействие и транспозицию В.Г. Гак связывает с явлением асимметрии формы и содержания, приводящей к тому, что старая форма языковой единицы приобретает новое содержание и способствует расширению номинативных возможностей знака, его сочетаемостных свойств, появлению синонимов, способных передать новые оттенки мыслей и чувств (см. [8, с. 519]).

Экстралингвистическая причина транспозиции кратких страдательных причастий в межчастеречный разряд предикативов состоит, на наш взгляд, в потребности людей кратко, лаконично передавать в речи при помощи предикативированных (а иногда и одновременно адъективированных, интеръективированных, прономинализированных и т.п.) словоформ семантически емкую информацию – сложный комплекс признаков, характеризующих состояние окружающей среды, природы, человека в причинно-следственной связи с каким-то предсказуемым / непредсказуемым действием, с модальной и количественной оценкой действий или предметов и др. Речь идет, в частности, о необходимости краткого выражения сложных типовых значений в словоформах, подверженных предикативации, а иногда и адъективации, прономинализации, партикуляции, интеръективации, модалации. Наиболее часто встречающиеся типовые значения в предикативах допускают следующие толкования:

(1) ‘Вторичное, производное состояние окружающей среды, реже – природы, человека, возникшее в результате действия человека или стихийных сил’; ср.: *В зале сильно **намусорено*** (вторичное состояние окружающей среды как результат действия человека) и *Кругом **затоплено*** (вторичное состояние природы, характеризующееся появлением большой территории, затопленной водой, как результат действия стихийных сил) (см. также [9, с. 257–258]). Возможны две интер-

претации статальных предикативов в безличных конструкциях: субъектная и объектная. В первом случае речь идет о возникновении в результате действий нового состояния у субъекта (*Его было не узнать: столько было **съедено чебуреков, выпито напитков***), а во втором – у объекта (*В комнате **убрано***) (см. [10, с. 556]). См. также транспозицию краткого страдательного причастия *кончено* в разряд предикативов со значением вторичного, безысходного, состояния, определяющего судьбу человека: *Где прячешься, Гавриш, выходи на свет, с ними **кончено**, не бойся!* (А. Измайлов. Трюкач). Ср.: *Ему **конец, крышка!*** В таких контекстах предикатив находится и в зоне притяжения эмотивных междометий. Ср. интеръективаты: *Конец! Крышка! Кончено!* (см. также [3, с. 86–87]).

(2) ‘Первичное, исходное состояние окружающей среды, реже – природы, которое могло измениться в случае реализации действий человека или стихийных сил, обозначенных соотносительными с предикативами причастиями’. Ср. контекст с частицей “не” в контрастно-утвердительной функции при предикативе: *В комнате **не проветрено, не убрано*** (≈ ‘душно, грязно и т.п.’); *В этом районе **не затоплено*** (о функциях частицы “не” см. в [4, с. 550; 11, с. 21–40; 12, с. 17 и др.]).

(3) ‘Первичное, исходное “отрицательное” состояние, или состояние отсутствия чего-либо, вызванное нереализацией предполагаемого действия’. Ср. контекст с частицей “не” в чисто-отрицательной функции при предикативе: *Решения по вашему вопросу, к сожалению, **не принято***; *Дров так и **не привезено*** (отрицательное эмоциональное состояние, обусловленное отсутствием действия и, следовательно, его результата).

(4) Модальная оценка действия в инфинитиве трех типов, допускающая следующее толкование:

(4.1) ‘Модальная оценка действия в аспекте его возможности / невозможности как результат реализации определенным / неопределенным лицом (лицами) действия в предикативе’. Напр.: *Сегодня **разрешено купаться*** (≈ ‘можно купаться, так как было получено на это разрешение’). Аналогично: *Вам **запрещено бегать*** (≈ ‘нельзя бегать, так как запретили’).

(4.2) ‘Модальная оценка действия в инфинитиве в аспекте его необходимости как результат реализации определенным / неопределенным лицом (лицами) действия в предикативе’. Напр.: *Ему **приказано прибыть в часть к 7 часам*** (≈ ‘нужно прибыть, так как был соответствующий приказ’); *Вам **предписано сегодня явиться в военкомат*** (≈ ‘необходимо явиться, так как было такое предписание’).

(4.3) 'Модальная оценка действия (признака) в аспекте его возможности / невозможности как постоянное свойство-состояние субъекта, обусловленное действием неких высших сил, судьбы, рока и т.п.'. Напр.: *Ему суждено стать великим человеком*. Ср. контекст с частицей "не" в чисто-отрицательной функции при предикативе: *Ему не дано быть поэтом*.

(5) 'Неопределенно-количественная оценка предметов в их отношении к ситуативной норме (много, достаточно, мало), обусловленная реализацией "кумулятивного" действия'. Напр.: *Народу пригнано!* (≈ 'много'); Аналогично: *Мусору набросано! Мастеров собрано!* Ср.: *А уж бумага-то привезено!* (≈ 'мало, недостаточно').

(6) 'Интеллектуальная оценка состояния субъекта, заключающегося в знании / незнании им чего-либо'. Здесь есть два семантических подтипа:

(6.1) 'Интеллектуальная оценка вторичного, производного состояния знания / незнания субъектом чего-либо как результата действия по передаче ему информации'. Напр.: *Всем было сообщено об этом на следующий день* (с импликацией смысла 'стало известно'). Ср. контекст с отрицанием: *Нам не сообщено об этом* (≈ 'неизвестно').

(6.2) 'Интеллектуальная оценка первичного, исходного состояния знания / незнания чего-либо субъектом, не обусловленного реализацией какого-либо действия по передаче ему информации'. Ср.: *Об этой легенде ведомо было не всем* (≈ 'было известно') и *Об этом нам неведомо* (≈ 'неизвестно').

(7) 'Пространственная оценка чего-либо как результат реализации действия, приводящего к изменению параметрических свойств объекта'. Напр.: *К утру на сегодня было углублено до 1/2 сажени* (П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.); *В полдень я на раскопках: углублено на 2 аршина; гранитная <...> глыба еще лежит в северо-восточном углу* (Там же) (≈ 'стало глубже'); *От жилья удалено, место пусто, чему там быть?* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах) (≈ 'далеко').

(8) 'Оценка объекта с точки зрения его зрительного или слухового восприятия как результат нереализации действия'. Напр.: *На теле никаких следов насилия не обнаружено* (Л. Дворецкий. Шакалы) (≈ 'не видно'); *Но – что ещё более настораживает – в карманах погибших не найдено ни одного документа!* (А. Азольский. Облдрамтеатр) (≈ 'неэстетично');

(9) 'Эстетическая оценка, связанная с реализацией действия'. Напр.: *Суббота: посетил места*

вокруг замка Атоль – красиво, но испорчено дурным вкусом (Р.Я. Райт-Ковалева. Роберт Бернс).

(10) 'Морально-этическая оценка, обусловленная реализацией действия'. Напр.: *"Богатыри", всенародно знакомые нам в ту пору по живописи, тогда же были нами уценены как дремучее мещанство. Но осуждено – не изжито. Тоже ведь три воина, три товарища* (А. Битов. Как читали 30 лет назад).

(11) 'Фазисная оценка действия'. Напр.: *Но возвращаться уже нельзя, с этим кончено* (Н. Катерли. На два голоса); *Ну, а когда и с записями кончено, можно развлекаться человеку – развлекаться, так сказать, в рамках своей служебной деятельности: придумать еще несколько кличек для животных*. (В.Ф. Панова. Ясный берег); *Только вот беда: ни один ваш проектик не закончен. Начато – брошено, начато – брошено. А как всякий проект до выгоды довести – только один человек может знать, только тот, кто их придумал* (В. Брагин. В стране дремучих трав).

(12) 'Психологическая оценка действия'. Напр.: *На такую зарплату мудрено² прожить* (≈ 'трудно'); *При такой загруженности не мудрено и забыть об этом* (≈ 'легко').

Можно выделить несколько собственно лингвистических причин, обуславливающих процесс безлично-предикативной транспозиции кратких страдательных причастий на *-но, -то*. Две из них указаны в исследованиях Н.Ю. Шведовой [13, с. 292 и др.], В.В. Бабайцевой [14, с. 62 и др.] и Ю.П. Князева [10, с. 558–559]. Во-первых, это тенденция к устранению в безличных конструкциях субъекта причастного действия, а во-вторых, особенности выражения объекта причастного действия или его невыраженность в силу самоочевидности. Остановимся на этом несколько подробнее.

Как отмечено в работе Н.Ю. Шведовой, в безличных предложениях с краткими причастиями происходит затушевывание деятеля (см. [13, с. 292]). По наблюдениям автора, из трех типов причастных безличных конструкций – 1) с действием определенного лица, 2) с действием неопределенного лица и 3) с бессубъектным значением, или "с устраненным деятелем" (выражение В.В. Бабайцевой) – первый тип явно идет на убыль в XIX веке: это обусловлено тем, что субъект действия стал выражаться в личных предложениях: *Министром приказано* → *Министр*

² Словоформы *мудрено* и *не мудрено* не могут считаться отпричастными предикативами, так как мотивируются непременным глаголом *мудрить*. Поэтому их следует включать в разряд так называемых ложных предикативов.

приказал [13, с. 292]. Место безличных предложений с причастными предикатами, по мнению В.В. Бабайцевой, определяется их отношением к семантической оппозиции “определенность / неопределенность действующего лица”. “В одних случаях, – пишет автор, – действие мыслится как производимое неопределенным деятелем (он может быть известен, но не выражен), в других представление о деятеле отсутствует: причастие сочетает значение деятеля со значением результативного состояния” [14, с. 62]. Из этого вытекает деление безличных причастных предложений на два типа: 1) с неопределенным деятелем и 2) с устраненным деятелем. В предложениях первого типа мыслится, хотя и неопределенно производитель действия, что сближает этот тип конструкций с неопределенно-личными предложениями. Ср. примеры синонимичных конструкций: *И вот теперь мне поручено сформировать новый отряд* (Д. Медведев. Сильные духом) и *И вот теперь мне поручили сформировать новый отряд*.

В конструкциях с устраненным деятелем субъект-производитель действия, выраженного в глагольном слове, не называется и не мыслится. По наблюдениям Н.Ю. Шведовой, безличные причастные предложения этого типа были широкоупотребительны в XIX в. В качестве организующих предикативных компонентов в них выступали краткие страдательные причастия типа *назначено, предназначено, заказано, принято, замечено, сказано, разъяснено, занято, заперто, прибрано*. Безлично-предикативное употребление кратких причастий среднего рода привело к их сближению со словами категории состояния (предикативами) и развитию у них значения вторичного, производного состояния (как результата совершенного действия; напр.: *намусорено, подметено* и т.п.) или модальных значений необходимости (*дано, велено, предназначено* ≈ *надо* и т.п.), возможности (*разрешено* ≈ *можно* и т.п.), невозможности (*запрещено* ≈ *нельзя* и т.п.) действия, обозначенного инфинитивом.

Предикативы первого семантического типа (*убрано, освещено* и т.п.) со значением результирующего состояния возникают вследствие одновременно протекающих процессов предикативации и адъективации причастий. В типовых контекстах *В комнате убрано* и т.п. словоформы типа *убрано* лишены грамматических свойств глагола: категориального значения действия, грамматических категорий вида, залога, времени и др. Перед нами отпричастные адъективаты в безлично-предикативном употреблении, не утратившие, однако, семантической связи с исходными глагольными лексемами.

Предикативы второго семантического типа (*приказано, разрешено* и т.п.) со значением модальной оценки действия в инфинитиве (*Разрешено купаться*) появляются в результате функционально-семантической предикативации причастий. Они соотносятся с краткими причастиями от переходных (*дано*) и непереходных (*приказано*) глаголов, развивая в своей смысловой структуре модальный компонент (см. выше), стимулирующий процесс адъективации: *Здесь запрещено курить* (ср. отпричастный адъективат: *запрещенная литература*).

Отпричастные предикативы типа *открыто, убрано, велено, запрещено* вполне сопоставимы с предикативами, сформировавшимися на базе существительных (*Пора ехать*), кратких прилагательных и наречий (*В помещении чисто*), местоимений (*Некогда было позвонить*). Показателен в этом плане пример В.В. Бабайцевой, иллюстрирующий предикативы разных структурных типов: *В номере было прибрано, светло, уютно* (А. Чехов. Степь) (см. [14, с. 64–65]).

Среди лингвистических причин предикативации следует упомянуть и ту, которая отражает общую тенденцию к экономии языковых средств и речевых усилий. Так, типовое значение становления нового состояния окружающей среды в результате какого-либо действия может быть передано двояко: развернуто, с экспликацией отдельных смыслов (1), и свернуто, сжато, предельно лаконично и емко (2); ср.:

(1) *В комнате стало чисто после уборки* (фазовая связка *стало* в структуре главного члена безличной конструкции + предикатив на базе прилагательного и / или наречия *чисто* + предложно-падежное сочетание со значением действия *после уборки*);

(2) *В комнате убрано* (предикатив на базе адъективированного краткого причастия *убрано*).

Можно построить также цепочку синтаксических преобразований конструкций, представляющих разные звенья предикативации причастий: Скамейка *окрашена* строителями. → Скамейка *окрашена* (эллипсис творительного падежа со значением субъекта действия) → *Окрашено* (эллипсис именительного падежа со значением объекта действия). Аналогично: Магазин *закрыт* на учет. → *Закрыто* на учет. → *Закрыто*. Для сравнения укажем ступени транспозиции наречия в императивное междометие, сопровождаемой эллипсисом глагола и наречия: *Идите вон отсюда!* → *Вон отсюда!* → *Вон!* (см. подробнее в [3, с. 250 и др.]).

Одной из важнейших лингвистических причин предикативации причастий является семанти-

ческая емкость отпричастных образований, находящихся в контексте предикативации, а также иногда параллельной адъективации, прономинализации, интеръективации, партикуляции в зоне разноаспектного взаимодействия нескольких частей речи – глаголов, прилагательных, наречий, междометий, местоимений-числительных и частиц. В этом плане примечательны конструкции с предикативами, совмещающими в своей структуре эксплицитные и имплицитные смыслы. Напр.: *В этом месте хорошо освещено* (с импликацией смысла ‘светло’); *Здесь разрешено купаться* (с импликацией смысла ‘можно’).

Безлично-предикативная транспозиция причастий может быть связана и с потребностью в обновлении способов выражения мыслей в языке. Так, разную языковую манифестацию, как известно, может получать идея о неопределенном субъекте действия. Ср., например, активную и пассивную конструкции:

(1) *Об этом вчера сообщили по радио* (неопределенно-личное предложение с финитным глаголом в значении действительного залога);

(2) *Об этом вчера было сообщено по радио* (безличное предложение с главным членом, выраженным функциональным отпричастным предикативом в значении страдательного залога).

По-разному (в утвердительных и отрицательных конструкциях) может быть выражена и мысль об исходном, первоначальном, состоянии окружающей среды; ср.:

(1) *В комнате еще не освещено* (отпричастный предикатив с отрицательной частицей “не” в контрастно-утвердительной функции);

(2) *В комнате еще темно* (предикатив на базе краткого прилагательного и / или наречия).

Семантическая емкость синкретичных образований, возникающих при включенности причастий в несколько транспозиционных процессов на уровне частей речи, позволяет с той или иной степенью четкости обнаруживать дифференциальные признаки разных частей речи. При этом степень ослабления глагольных свойств в причастиях при их предикативации, а иногда также параллельно протекающих процессах адъективации, модалации и т.п. может быть неодинаковой. Очевидно, что меньшая степень отхода от глагольной системы наблюдается при функциональной предикативации причастий, мотивированных теми глаголами, которые обозначают действия, неспособные изменить внутреннее свойство объекта. К ним относятся предикативы типа *сказа-*

но, отмечено, упомянуто и т.п. Напр.: *Об этом процессе хорошо сказано в последней работе Иванова* (см. [15, с. 78–91]). И, напротив, полную утрату грамматических свойств глагола наблюдаем в причастиях, функционирующих в контекстах совмещенной предикативации и адъективации. Таковы, в частности, отпричастные предикативы типа *убрано, окрашено*, соотносительные с глаголами, которые обозначают действия, приводящие к изменению свойств объектов.

Исследование отпричастных предикативов и связанных с ними синкретичных речевых образований, порождаемых предикативацией и другими параллельно протекающими транспозиционными процессами, показывает, что комбинаторика и пропорция дифференциальных признаков глаголов, прилагательных и наречий, а также местоимений-числительных, модально-вводных слов, частиц, междометий в их структуре неодинакова. Формируются разные типы периферийных и гибридных словоформ, манифестирующих те или иные ступени (звенья) частеречной транспозиции на шкале предикативации, адъективации, прономинализации и т.д.

Идея притяжения причастной словоформы в контекстах переходности сразу к нескольким семантико-грамматическим классам слов может быть представлена графически в виде кругов, транслирующих те или иные части речи и межчастеречные семантико-синтаксические разряды (предикативы и модально-вводные слова) и соединенных шкалой переходности со степенями **А – Аб – аб – аБ – Б** (см., напр. [2, с. 132]). При этом взаимодействие частей речи в структуре языковых единиц, подвергающихся разным видам категориальной транспозиции, отражают несколько схем.

Схема 1 в виде двух кругов, не имеющих точек соприкосновения, эксплицирует крайние звенья (ступени) на шкале предикативации причастий: **А (Прич.; ядерное причастие)** и **Б (Пред.; ядерный предикатив)**. Речь идет о так называемых кругах Эйлера, эксплицирующих взаимоисключающие категории (см., напр. [16, с. 104]).

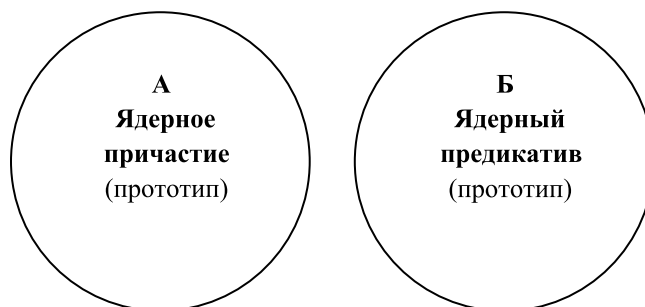
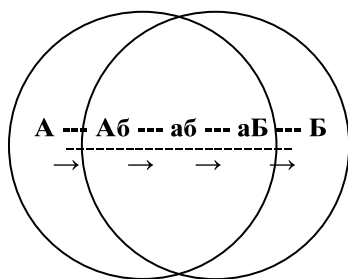

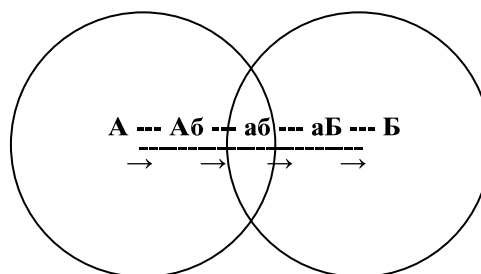
Схема 2 в виде двух частично пересекающихся кругов представляет зону синкретизма на шкале предикативации, заполненную тремя группами образований: а) периферийными причастиями [**Аб** (**Прич. пред.**)]; б) периферийными предикативами [**аБ** (**прич. Пред.**)] и в) гибридными, причастно-предикативными образованиями [**аб** (**прич. пред.**)]³. Указанные круги символизируют некие множества элементов определенной категориальной принадлежности, соприкасающиеся попарно. Общие заштрихованные (пересекающиеся) части кругов указывают на наличие у категорий повторяющихся черт. Мысль о существовании категорий в виде попарно соприкасающихся множеств, восходящая, как известно, к Л. фон Витгенштейну, удачно используется Е.С. Кубряковой в новой, когнитивной модели частей речи русского языка (см. [16, с. 104]). Стрелки, соединяющие центры частично накладывающихся друг на друга кругов, условно символизируют направление движения языковой единицы из пункта **А** (**Прич.**) к пункту **Б** (**Пред.**).

Сходную схему взаимодействия языковых и речевых фактов при частеречной транспозиции предлагает В.В. Бабайцева. Отличие состоит лишь в том, что заштрихованный сегмент в схеме В.В. Бабайцевой включает зону гибридности (**аб**), зоны же периферии в исходном и производном классах слов, взаимодействующих при транспозиции слова или словоформы, изображаются графически там, где синтез дифференциальных признаков противопоставленных частей речи исключен. В то же время сам автор совершенно справедливо указывает на то, что периферийные образования, наряду с ослаблением или утратой отдельных свойств исходного класса слов, приобретают некоторые признаки новой части речи, что отмечено графически – символами-строчными буквами; ср.: **Аб** (периферия исходной части речи) и **аБ** (периферия производной части речи).

³ Мы не учитываем здесь фактор перекрещиваемости разных типов транспозиции в структуре одной и той же языковой / речевой единицы, т.е. совмещения предикативации, скажем, с адъективацией, прономинализацией, модалацией, партикуляцией, интеръективацией и т.п.

Ср. схему В.В. Бабайцевой [2, с. 132]:

Как уже отмечалось, одно и то же слово или словоформа нередко оказывается в зоне интересов не двух, а трех и даже четырех частей речи, что находит отражение в комбинаторике и удельном весе ее дифференциальных признаков. Это значит, что языковая единица включается в целый ряд транспозиционных процессов – предикативацию, адъективацию, прономинализацию, интеръективацию, партикуляцию и т.п. В результате этого происходит ее сближение с несколькими классами слов – глаголами, прилагательными, местоимениями-числительными, частицами, междометиями и др.

Е.С. Кубрякова указывает, что “структурация каждой отдельной части речи может быть названа прототипической, поскольку у нее есть ядро и периферия, фокус (фокусы) и развивающиеся по разным направлениям ответвления категории” [16, с. 113]. У частей речи есть ядерные, типичные элементы, которые являются их лучшими представителями – прототипами, и есть элементы периферийные. Прототипы наиболее полно характеризуют ту или иную часть речи. Это, по выражению И.В. Высоцкой, своеобразные магниты, которые образуют поле и притягивают к себе периферийные явления (см. [17, с. 84]). К ним можно, по-видимому, отнести два круга явлений. С одной стороны, это определенные семантические группировки лексем, содержащие наиболее полный набор конституирующих признаков рассматриваемого класса слов. В системе глагола к ним могут быть причислены, например, разряды глаголов физического действия или движения, выделенные Е.С. Кубряковой [16, с. 114].

С другой стороны, ядерные, прототипические факты представляют и определенные структурные репрезентанты части речи. Если исходить из того, что систему глагольного слова структурируют четыре репрезентанта с пересекающимся набором дифференциальных признаков, то к ядру данной части речи, ее прототипам, необходимо причислить предикативные формы типа *читаю*, *читаешь* и т.п., обладающие максимальным количеством собственно глагольных категорий (вид,

залогу, наклонению, времени, лицу) и выполняющие специфическую функцию глагольного предиката. В то же время к зоне периферии следует отнести три других репрезентанта – а) полупредикативный репрезентант (деепричастия: *читая, будучи читаема*), б) субстантивный репрезентант (инфинитивы: *читать, читаться*), в) атрибутивный репрезентант (причастия: *читающий, читавший, читаемый, читающийся, читавшийся, читанный*) (подробнее см. в [18, с. 94–115]).

Указанные репрезентанты, в разной степени приближенные к ядру глагола, манифестируют три типа функциональной транспозиции глагола в пределах одной глагольной лексемы: а) адвербиальную транспозицию (*Он сидит, **читая** книгу*); б) субстантивную транспозицию (***Читая** лежа вредно*); в) адъективную транспозицию (*Я вижу **читающего** студента*) (о функциональных и функционально-семантических типах транспозиции глагольного слова см. также в [11; 19, с. 22–27; 20, с. 33–36]). Отсюда тяготение деепричастных, инфинитивных и причастных форм глаголов к трем частям речи, соответственно – к наречиям, существительным и прилагательным. Графически это можно представить в виде четырех перекрещивающихся кругов, символизирующих взаимодействие в структуре одной глагольной лексемы таких частей речи, как глаголы, наречия, прилагательные и существительные.

Таким образом, развитие части речи может осуществляться в разных направлениях, что убедительно демонстрируют, например, транспозиционные процессы в сфере кратких страдательных причастий на *-но, -то*. Помимо сближения таких кратких причастий с семантико-синтаксическим разрядом предикативов в значении состояния и / или оценки (ср. предикативацию словоформы: ***Велено** прийти*), здесь можно наблюдать параллельно и их функциональное сближение с

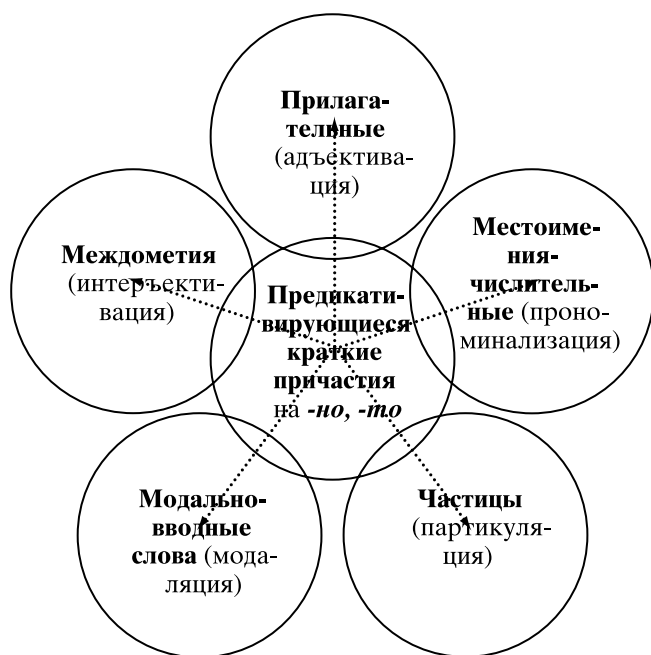
семантико-синтаксическим разрядом модально-вводных слов (ср. модальную: ***Не** исключено, что...*); утвердительными частицами (ср. частицу: *“Согласен?” – “**Замечано!**”*; ср. также: ***Схватчено!***); эмотивными междометиями (ср. интеръективную: *Ничего уже сделать нельзя... **Все! Кончено!***); местоимениями-числительными (ср. прономинализацию: *Мусору-то **навалено***; ≈ ‘очень много’) (см. [21]); качественными прилагательными (ср. адъективную: *В комнате **убрано***; ≈ ‘чисто’). Кроме того, сами предикативизирующиеся краткие страдательные причастия находятся “в зоне интересов” глаголов, а иногда и наречий – в контекстах параллельной адъективации и адвербиализации.

Акад. В.В. Виноградов, исследуя процесс образования слов категории состояния в русском языке, указывал на наличие в этой сфере двух прямо противоположных тенденций, напрямую связанных с системой глагола. С одной стороны, это движение именных частей речи – существительных, прилагательных в краткой форме, а также наречий по направлению к глаголу. Проявляется это, прежде всего, на семантико-синтаксическом уровне: словоформы указанных частей речи приобретают способность употребляться в функции предиката (точнее, главного члена) безличного предложения, развивать в себе признак переходности, сочетаться с винительным падежом прямого объекта (*жаль сестру, видно речку* и т.п.), формировать значение состояния и оценки, например модально-временной оценки действия (*пора ехать*). С другой стороны, по мнению В.В. Виноградова, в системе русского глагола “усиливается встречное течение по направлению к категории состояния. Во всяком случае, видимое отмирание залогового значения у страдательных причастий и развитие в них значений качества, а в кратких формах и качественного состояния – в высшей степени показательны” [4, с. 337].

Разумеется, степень приближения причастий на *-но, -то* к тем или иным частям речи и межчастеречным семантико-синтаксическим разрядам слов (предикативы, модально-вводные слова) может быть разной, о чем свидетельствует удельный вес соответствующих дифференциальных признаков в структуре словоформы (см. [22, с. 38–48; 23, с. 143–146])⁴. Условно это можно показать графически на схеме из пересекающихся кругов, где заштрихованные сегменты сигнализируют о зоне синкретизма в рамках шкалы переходности

⁴ Опыт исчисления индексов интеръективации (прономинализации и т.п.) языковых единиц разной частеречной отнесенности представлен в [3].

при предикативации, адъективации, интеръективации, прономинализации, партикуляции и т.п.

Анализ фактов категориального синкретизма в области страдательных причастий позволяет выявить важные аспекты взаимодействия лексики и грамматики при функционировании языковых единиц в типовых контекстах частеречной транспозиции. Определенный интерес это может представлять, в частности, при интегральном описании русского языка, которое осуществляется в рамках крупномасштабных лексикографических разысканий ученых московской семантической школы под руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Наблюдения над процессом и результатом предикативации страдательных причастий дают возможность уточнить отдельные правила с замкнутой, по выражению Ю.Д. Апресяна, сферой лексического действия. Обращает на себя внимание, например, некоторая парадоксальность ситуации с запретом на образование форм страдательного залога от переходных глаголов типа *заставлять* с модальным значением ‘воздействовать на человека Y так, чтобы Y, который не хочет делать P, не мог этого не сделать’. Ср. корректность фразы: *Смотри, врач заставляет больного встать* при невозможности, в то же время, ожидаемых форм пассива от этого глагола: **заставляется, *заставляемый*. Вместе с тем ограничение на образование форм пассива отсутствует у лексического омонима *заставлять*, допускающего толкование ‘ставить предметы X в пространстве Y в таком количестве, что весь Y оказывается занятым ими’. Ср. возможность выражений: *Комната постепенно заставляется*

мебелью; Комната, все больше заставляемая мебелью, становилась непригодной для нормальной жизни (см. [24, с. 14]).

Сопоставление подобных фактов наводит на мысль, что причину дефектности залоговой парадигмы глагола следует искать в сфере семантики, а именно, в модальном значении каузативного глагола. Лексика, как и во многих других случаях, может накладывать запрет на образование тех или иных грамматических форм слова, например формы пассива у модальных глаголов типа *заставлять*. Однако исследование условий функционирования кратких страдательных причастий и отпричастных предикативов показывает, что в условиях безличного предложения парадигматические ограничения на формы пассива у модально-каузативных глаголов могут и отсутствовать, что подтверждают, в частности, формы страдательного залога модально-оценочных предикативов типа *велено, приказано*. Примером могут служить односоставные конструкции с главным членом предложения, структурируемым финитным глаголом СВ / НСВ в аналитической форме пассива с предикативом в фиксированных, ‘пустых’ формах среднего рода, единственного числа (*приказано было, велено было*), и примыкающим к нему инфинитивом (*вывезти, взять, стоять*): *Приказано было вывезти* наш корпус в Березовский лагерь, а прежде чем вывезти, восстановить, поскольку в этом лагере войска стояли еще в царские времена, а с тех пор он был забыт и заброшен (В.А. Каверин. Открытая книга); *И велено ему было руки взять назад и стоять тут* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Нет в таких случаях и ограничений на образование разных форм абсолютного времени финитных глаголов в аналитической форме пассива с отпричастным предикативом; ср.: *велено* (перфект) / *было велено* (претерит) / *будет велено* (футурум) *взять...* Что касается предикатива *велено*, образованного на базе двувидового глагола *велеть*, то он может в безлично-предикативной позиции выступать в значениях как СВ, так и НСВ (при передаче, например, неограниченно-кратных действий). Ср.: 1. *Не раз уже велено было почистить оружие...* (≈ ‘не раз велели почистить’; НСВ) и 2. *Вам же велено вчера было прийти...* (≈ ‘велели прийти’; СВ). Сокращение парадигмы у образований типа *велено* (прийти) наблюдается в сфере категорий рода и числа; ср. невозможность у них форм мужск. и женск. рода, а также множ. числа: **велен / *велена / *велены прийти*. К сказанному можно добавить, что в каузативных глаголах типа *запретить, разрешить* модальное значение ‘воздействовать на человека Y так, чтобы Y, ко-

торый не хочет делать Р, не мог этого не сделать' может быть реализовано в формах аналитического пассива с кратким страдательным причастием (в двусоставном предложении) и отпричастным предикативом (в односоставном безличном предложении). Ср.: 1. *В этом месте купание было запрещено* и 2. *В этом месте было запрещено купаться*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н.; Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
2. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. *Шигуров В.В.* Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). М.: Academia, 2009. 464 с.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
5. *Байдер А.А.* Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
6. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 130–143.
7. Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
9. *Галкина-Федорук Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1958. 332 с.
10. *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
11. *Шигуров В.В.* Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1988. 85 с.
12. *Шигуров В.В.* Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия / Науч. ред. Л.Л. Буланин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 385 с.
13. *Шведова Н.Ю.* Изменения в системе простого предложения в русском литературном языке XIX в. // Очерки по истории грамматики русского литературного языка XIX в.: Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. М.: Наука, 1964. С. 20–368.
14. *Бабайцева В.В.* Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. 160 с.
15. *Шигуров В.В.* Функциональная транспозиция русских причастий в предикативы: ступени, признаки, предел // Вестник Казахской государственной юридической академии. Серия “Филологические науки”. Астана. 2011. № 12. С. 78–91.
16. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
17. *Высокая И.В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МГПУ, 2006. 304 с.
18. *Буланин Л.Л.* Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 94–115.
19. *Шигуров В.В.* Три этапа транспозиции глагола в наречие // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Материалы научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 3. Смоленск, 1997. С. 22–27.
20. *Шигуров В.В.* Функциональный и функционально-семантический типы транспозиции глагола в прилагательное // Функционирование языка в различных речевых жанрах. Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 1. Ростов н/Д, 1997. С. 33–36.
21. *Шигуров В.В.* Пронаминализация как тип ступенчатой транспозиции словоформ в системе частей речи: (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). Саранск : Красный Октябрь, 2003. 144 с.
22. *Шигуров В.В.* Функционально-семантический тип транспозиции причастий в предикативы: ступени, признаки, предел // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М.: Наука, 2011. Том. 70. № 5. С. 38–48.
23. *Шигуров В.В.* Механизм предикативации языковых единиц в русском языке: грамматика и семантика // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Бишкек, 2011. № 4. С. 143–146.
24. *Апресян Ю.Д.* Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. № 1 (3). 2002. С. 10–29.